

УДК 930.85

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ КАК ОБЪЕКТ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН
(конец XX – начало XXI вв.)**

Ж.В. Бухараева

Аннотация

На основе процедуры case-study рассматривается развитие современной отечественной историографии Гражданской войны 1918–1920 годов, устанавливается характер её взаимосвязи с фундаментальными общественными переменами в российском обществе на рубеже XX – XXI столетий. Автор выдвигает положение о двух относительно самостоятельных этапах эволюции изучения Гражданской войны в новейший период истории страны. Историографическое время с конца 80-х до середины 90-х годов квалифицируется в качестве «критического» этапа. Во второй половине 90-х годов он уступает место этапу «неоакадемическому», который продолжается вплоть до нынешнего времени.

Дополнительным аргументом в пользу принадлежащей П. Бурдые характеристики концепции Т. Куна о смене научных парадигм как проходящей по разряду идеалистической философии – она приписывает науке способность развиваться в соответствии с имманентной ей логикой¹ – может служить изучение феномена Гражданской войны в России. Разумеется, выстраивая критику куновской концептуалистики, французский социолог мог уже опереться на фундаментальную идею социогуманитарии последних десятилетий XX столетия, согласно которой любое историческое описание неизбежно базируется на тех или иных идейно-ценностных суждениях. Между тем формирование основной идеи физика с гарвардским образованием Т. Куна о том, что «научные революции» происходят только тогда, когда реализованы все «парадигмы», приходится на конец 40-х – начало 50-х годов, когда ещё не развеялась позитивистская иллюзия о принципиальной возможности избежать идеологического воздействия на историческое и социальное познание.

Однако советская историография – явление особое. Историческое знание в условиях советско-партийной системы целеположенно использовалось в качестве ценностного ресурса, рассматривалось как одно из направлений «идеологической работы партии». В первую очередь это относилось к тем событиям минувшего века, официально выверенные исторические образы которых непо-

¹ Бурдые П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. – М., 2005. – С. 19.

средственно были мобилизованы для легитимации советской политической системы. Среди этих событий заметное место занимала история Гражданской войны, «закономерная» победа большевизма в которой призвана была служить важнейшим доказательством исторической «законнорожденности» Октябрьской революции и утвердившейся в послеоктябрьскую эпоху основанной на монополии на власть и собственность системы: поражение «белых» в кровавой гражданской смуте 1918–1920 годов рассматривалось как решающее доказательство исторической обречённости «буржуазно-помещичьего строя» в России, а в перспективе – и во всём мире.

Советская историография Гражданской войны была прочно вмонтирована в официальную концепцию советской истории в целом. Поэтому в конце 80-х – начале 90-х годов, в период крупных общественных перемен буржуазно-демократической направленности, этот «сектор» проблемной историографии оказался вовлечённым в процессы фронтального пересмотра основ и позиций традиционного – в партийно-советском смысле – историознания. Под стать идейно-политической конъюнктуре сложилась историографическая ситуация, отмеченная, во-первых, острой критической направленностью новых научных опытов; во-вторых, выдвиганием на первый план не столько научно-познавательных, сколько идеологических вопросов. Соответственно, историографический дискурс обретал черты публицистической экспрессии.

Прибегая к методу *case study*¹, обратимся к двум знаковым историографическим событиям, которые ярко иллюстрируют происходившие в историческом сознании и в дисциплинарной историографии сдвиги. Первое из них – изданный в 1991 году под эгидой Российского государственного гуманитарного университета двухтомник «Наше Отечество: Опыт политической истории», который гуманитарная вузовская общественность восприняла в качестве долгожданного учебника «новой формации»². Авторы обозначили главную задачу книги как попытку «своевременно откликнуться на острую общественную потребность в заполнении явных пробелов нашего исторического образования и просвещения», «первый шаг к написанию действительно нового учебника»³. Поэтому в унисон со взбудораженным общественным сознанием они стремились в ходе изложения любой исторической темы дезавуировать «идеологию сталинизма», которая «имела – с точки зрения науки – схематичный, вульгарный и догматичный характер»⁴. Пафос издания своим источником имеет идею исторической обоснованности и правомерности освобождения народа из-под глыб тоталитаризма: «Да, наш народ безмерно терпелив. Никто другой, наверное, не смог бы вынести тех унижений и издевательств, которым он подвергался, и не превратиться при этом в раба. В нечеловеческих условиях, обманываемый и обкрады-

¹ Так называемая ситуационная историография – *case studies (кейс-стадиес)* – явилась своеобразной реакцией на кризис куновской модели науки. Ее отличительной чертой, как полагает Г.П. Мягков, является прямой отказ от кумулятивистских, *линейных* моделей развития науки и постановка задачи понять то или иное научное событие в цивилизационно-культурном контексте. См.: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. – Казань, 2000. – С. 138.

² См.: Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. I / С.В. Кулешов, О.В. Волобуев, Е.И. Пивовар и др. – М., 1991; Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. II / С.В. Кулешов, О.В. Волобуев, Е.И. Пивовар и др. – М., 1991.

³ Наше Отечество. Ч. I. – С. 6.

⁴ Наше Отечество. Ч. II. – С. 336.

ваемый, он выстоял, несмотря на чудовищную тяжесть мирного труда, превращенного системой в военно-казарменную эксплуатацию, и не только выстоял, но и совершил беспрецедентный ратный подвиг во имя жизни <...> 12 июня 1991 г. был сделан поистине исторический выбор: от тоталитарных оков – к правовому государству», чем «наш народ еще раз доказал свою решимость занять достойное место равного среди равных обитателей ойкумены»¹.

Показательно, что вопросы истории Гражданской войны были лишь задеты в рамках главы, получившей название «Военный коммунизм: свобода или необходимость?». Более того, в явном противоречии с «опытом политической истории», каковым по замыслу авторов и должно было явиться данное издание, те немногие абзацы, что отданы в нём этой проблеме, содержат только историософские обобщения и социально-классовые характеристики: «Пока теоретики примеривались набить морду середняку и ждали мировой революции, плоды их теории и практики пожинала контрреволюция и собиралась с силами. Крестьяне на востоке страны откликнулись на колчаковскую мобилизацию, в результате чего ему удалось собрать почти полумиллионную армию. В марте Колчак повел новое наступление и приблизился к Волге»². Получалось так, что при общем отрицательном настрое «рабочего класса» по отношению к политике большевистского режима в конечном итоге «многомиллионная крестьянская масса отдала победу в Гражданской войне большевикам»³. Подобные «перекося» и поверхностные суждения – неизбежные спутники идеологических упражнений на поле историографии.

Отчётливая печать революционного по своим духу и смыслу времени лежит и на другом научном событии – заседании состоявшегося весной 1992 года в ИРИ РАН «круглого стола», посвящённого истории Гражданской войны в России⁴. Началу дискуссии послужило выступление Ю.А. Полякова на Учёном совете Института российской истории, где он предложил вести отсчёт событий Гражданской войны с момента захвата власти большевиками⁵. Вопрос о хронологии Гражданской войны участники «круглого стола» фактически перевели в идейно-политическую плоскость, сведя его к проблеме ответственности за те решения и действия, которые обернулись нарастанием трагического гражданского противоборства. Как подчёркивает А.И. Ушаков, «это и объясняет столь бурное обсуждение проблемы, носящей на первый взгляд сугубо схоластический характер. Из споров о временных рамках Гражданской войны встаёт всё тот же гонимый и отвергаемый как ненаучный вопрос “кто виноват?”. Конечно, избежать его было трудно. События, о которых идёт речь, столь разительно перекликались с российской действительностью начала 1990-х, что это невольно порождало у любого исследователя “иллюзию присутствия”. Человека же, на себе ощутившего последствия социальных катаклизмов, бесполезно утешать тем, что всё происшедшее с ним обусловлено объективными предпосылками и

¹ Наше Отечество. Ч. II. – С. 619.

² Там же. – С. 62.

³ Там же. – С. 69.

⁴ См.: Гражданская война в России: «круглый стол» // Отечественная история. – 1993. – № 3.

⁵ См.: Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992. – № 6.

историческими закономерностями. В итоге российская историография Гражданской войны всё отчётливее стала развиваться под знаком поисков правых и виновных»¹.

В общем, на исследовательском поле истории Гражданской войны разворачивались процессы, сходные с теми, что происходили тогда во всей системе позитивного исторического знания: дисквалификация «старых» идей и представлений в пользу «новых», обретающих в глазах научного сообщества статус «истинных». Как и в любых подобных случаях, здесь «бессмысленно проводить разграничение между сугубо научными и сугубо социальными детерминациями практик, по существу *сверхдетерминированных*»². Хотя историческую мысль затронула чехарда скорых перемен взглядов на вещи – «эпидемия исторической невменяемости»³, трудно переоценить значение тесно связанного с устранением господства моноидеологии «критического» этапа развития отечественного историознания для воссоздания во второй половине 1990-х годов традиции свободной – насколько это, конечно, возможно – от политизации и идеологизации исторической науки. Именно «критический» этап создал предпосылки для перехода к тем условиям развития историографии Гражданской войны, который позволительно назвать «неоакадемическим».

В качестве провозвестника новой полосы развития историографии Гражданской войны можно рассматривать изданную в двух томах – по существу, в формате учебного пособия – книгу по отечественной истории, которая, как уже названное «Наше Отечество», заявлена в русле истории политической⁴. Сходство двух изданий на этом не заканчивается. Среди руководителей авторского коллектива (кроме В.В. Журавлёва и В.В. Шелохаева) мы встречаем историков, руководивших изданием «Опыта политической истории» 1991 года, – С.В. Кулешова и О.В. Волобуева. Новый двухтомник тоже содержит обобщения историческое порядка, в которых просматриваются идеи, восходящие к представлениям «шестидесятников» о том, что «настоящий», с «человеческим лицом социализм» принципиально возможен, но в силу ряда причин, главным образом субъективных, в России он так и не состоялся: «Решающим стратегическим пороком в политике большевиков, неминуемо обернувшимся в конечном счете перерождением революционной диктатуры в сталинский тоталитарный режим, было разрушение трудно, в противоречиях и борьбе складывавшейся в стране на рубеже XIX и XX вв. плюралистической структуры общественных сил как главного источника социального самодвижения»⁵. Поэтому, пройдя «через горнило страшной братоубийственной войны и выкристаллизовавшись в жесткие “военно-коммунистические” структуры, российское общество было во многом обречено на необратимость своего перерождения в духе государствен-

¹ Ушаков А.И. Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. – М., 2004. – С. 35.

² Бурдые П. Указ. соч. – С. 18.

³ Литвин А.Л. Размышляя о Гражданской войне в России // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. – М., 2002. – С. 325.

⁴ См.: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. – М., 1996.

⁵ Там же. – Т. 2. – С. 711.

ного псевдосоциализма. “Задний ход”, данный в годы нэпа, не смог уже ничего кардинально изменить»¹.

Вместе с тем проблема Гражданской войны занимает в этой книге своё «законное» место в качестве самостоятельной научной проблемы. В главе «Гражданская война как социально-политический феномен» развёрнута историческая панорама этого события, о содержании которой модно судить, приняв во внимание предпосланное главе обозначение смысловых узлов темы: «Путь к Гражданской войне. – Самара против Москвы. – Красный террор. – Год белых. – Война за линией фронта. – Зелёные. – Крах белого движения. – “Красный потоп”. – “Зелёный потоп”. – Оккупационная политика большевиков. – Роль Гражданской войны в российской истории XX века. – Милитаризация коммунизма»². Вывод о причинах победы большевизма сформулирован как контроверза сходному выводу из «Нашего Отечества», что уже само по себе создавало поле теоретического напряжения, стимулирующего дальнейшие поиски истины: «Большевики победили не потому, что, как утверждала советская историография, рабочие и крестьяне оказали им поддержку в Гражданской войне, а потому, что большевики завоевали расколотое общество по кускам, общество, не способное к сопротивлению в общенациональном масштабе»; именно «фрагментация российского социума на региональные, классовые, социальные и идейные группировки, ничем не связанные друг с другом, – вот в чем заключалась причина победы диктаторского режима большевиков»³. Не менее важно другое. Пожалуй, впервые были приведены в систему основные, в том числе и малоисследованные, проблемы истории Гражданской войны – квалификация военных действий против крестьян, «зелёных» движений, мировоззрение «белого» движения, соотношение «красного» и «белого» террора, влияние Гражданской войны на политическую культуру общества и др.

Конечно, «политическая история» 1996 года, как и её предшественница 1991 года, «напрямую» выходит на идеологические задачи, правда, содержание их видоизменяется. Авторы выражают надежду, что политическая история страны в предложенной ими интерпретации «будет способна убедить пусть не всех, но хотя бы некоторых из нынешних вершителей политических судеб страны в бесперспективности всесокрушающих попыток в одночасье создать новую твердь и новые небеса над нею, а также в продуктивности и благотворности тщательного, терпеливого и непредвзятого распутывания одного за другим узлов нашего социального неблагополучия»⁴. Ретроактивно раскрывается смысл этого историко-политического «задания», в котором прочитываются идеи «стабилизации» и «укрепления вертикали власти». Эти политические идеи нашли свою полновесную реализацию уже в начале XXI века. Стало очевидным, что научный академизм будет и впредь подвергаться сильным испытаниям, поскольку российский социум всё ещё продолжает воспроизводить элементы «мобилизационного» отношения власти к историческому знанию.

¹ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. – Т. 2. – С. 712.

² Там же. – С. 58.

³ Там же. – С. 103.

⁴ Там же. – С. 718.

Очевидно и другое. Научная историография Гражданской войны уже завоевала прочные статусные позиции, в её русле сложились устойчивые исследовательские направления, включая историю антибольшевистского движения, принята большая работа, связанная с вовлечением в научный оборот новых массивов документальных источников. О современном состоянии историографии Гражданской войны в России даёт понять объёмное издание, которое посвящено памяти известного учёного и педагога Ю.И. Кораблёва. Важно, что в этой книге прозвучала мысль о возможности и необходимости изучать Гражданскую войну «под культурологическим углом зрения, ибо всякая экстремальная и социально-стрессовая ситуация открывает в то же время громадные внутрисистемные инновационные возможности. Как правило, выходит из нее победителем тот, кто сможет использовать это в своих интересах»¹. Действительно, историография Гражданской войны нуждается в наращивании методологического потенциала, более активном использовании методов и концепций современного исторического познания, включая регистры «новой политической истории», «интеллектуальной истории», иные направления познания прошлого.

Summary

J.V. Bukharaeva. The Civil War in Russia as an Object of Historical Cognition under Conditions of Fundamental Social Shifts and Changes (late 20th – early 21st centuries).

The article examines the development of modern native historiography of the Civil War of 1918–1920 on the basis of the case-study procedure, and establishes the character of its correlation with fundamental social shifts and changes in Russian society at the edge of 20th – 21st centuries. A theoretical proposition is raised about two relatively self-dependent stages of evolution of the Civil War study in the newest period of the country's history: a historiographical time since late 1980s to mid 1990s is qualified as a «critical» stage. The second half of 1990s is inferior to «neoacademic stage», which lasts till current (modern) time, i. e. the second half of 2000s.

Поступила в редакцию
12.09.07

Бухараева Жанна Владимировна – соискатель кафедры историографии и источниковедения Казанского государственного университета.

¹ См.: *Михайлов И.В.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // *Гражданская война в России...* – М., 2002. – С. 649.